

Глава 1

Александра снова нажала серую западавшую кнопку звонка, прислушиваясь к долгому вибрирующему звуку, замирающему в глубине дома. Отступила, оглядывая дверь.

На Знаменке, в путанице переулков, в тесноте дворов еще остались жилые двухэтажные особняки времен Гоголя. Банки, рестораны, антикварные салоны, загадочные фирмы, о которых нельзя было составить представления по надписям на золотых табличках, — все это не первый десяток лет вытесняло из домов прежних обитателей. Недвижимость здесь была баснословно дорогой. Коренных жителей района и их наследников постоянно искушали предложениями — пугающе выгодными или откровенно подозрительными. И огромные старинные коммуналки, зажатые между Знаменкой, Волхонкой и Гоголевским бульваром, постепенно вымирали, превращаясь в частные музеи, офисы, роскошные квартиры, где, казалось, никто не жил. Освеженные, вылощенные фасады,

АННА МАЛЫШЕВА

зеркальные окна, дорогие машины вдоль тротуаров — все это придавало району официальный, натянутый вид. С подоконников исчезли раскормленные коты и горшки с фиалками, стопки книг, начатое вязанье, пронзенное спицами, подносы с посудой — все приметы тихой, тесной жизни старинного района, очертаниями похожего на растянутую шаль.

И все-таки здесь еще жили. В глубине двора, который только что пересекла Александра, стоял приземистый особняк в ложноклассическом стиле, выкрашенный в скучный желтый цвет. Дом был выстроен не в два этажа, как соседние, а в полтора — цокольный этаж венчался мезонином, по фасаду которого были выведены каменные перила и балясины фальшивого балкона. Балкона как такового не было, перила и балясины вплотную примыкали к стене, между ними не протиснулся бы и голубь. Два окна мезонина глубоко уходили под двускатную крышу, как подслеповатые глаза, тронутые радужной катарактой, — под низко надвинутый платок. Весь дом, типичный образец городской застройки первой половины девятнадцатого века, хранил замкнутый, недоверчивый вид. Парадное крыльцо было заперто, деревянная двустворчатая дверь напоминала тесно сжатые скупые губы. Стучаться в эту дверь было бесполезно, как помнила Александра, уже бывавшая здесь дважды. Обитатели дома попадали вовнутрь через приземистый флигель, прилепившийся к задам особняка. Рядом с массивной железной дверью, поставленной в девяностые годы прошлого века, было прикручено несколько звонков. Работал, правда, один, самый верхний.

Пианино из Иерусалима

Александра снова вдавила кнопку в гнездо и, отступив от двери на шаг, оглядела темные окна флигеля. С жестяных отливов медленно капала талая вода — утром выпал снег, но к полудню потеплело. Неверный декабрьский свет таял над Москвой, в жемчужных облаках едва угадывалось солнце. Рыхлый влажный воздух забивал горло. Александра закашлялась, и, словно дразня ее, в разросшихся голых кустах сирени каркнула взъерошенная ворона.

Встреча была назначена на два часа пополудни. Художница достала из кармана куртки часы с оторванным ремешком — уже не первый год она собиралась купить новый ремешок, но, проходя мимо очередной часовой мастерской, никогда не вспоминала об этом. «Два часа десять минут». Похоже, ее никто не ждал, о ней забыли. Но Илана — так звали обитательницу особняка — производила впечатление дамы чрезвычайно собранной и энергичной. Ей никак нельзя было дать ее семидесяти с лишним лет, и забывчивостью эта подтянутая, ухоженная женщина явно не страдала.

Александра достала из сумки телефон и набрала номер. Пока шло соединение, художница медленно прохаживалась вдоль заднего фасада особняка, рассматривая треугольный двор, притиснутый к зданиям, выходящим на бульвар. Двор был перерезан пополам шлагбаумом. С той стороны шлагбаума, где бродила Александра, царило старомодное запустение, некогда придававшее своеобразное очарование этим дворам. Под кустом сирени пряталась черная покосившаяся скамейка. Бурая опавшая листва с пятнами не растаявшего еще снега источала тревожный горький аромат. У стены флигеля,

АННА МАЛЫШЕВА

на штабеле мокрых досок, сидел упитанный серый кот, наблюдавший за Александрой с выражением настороженного равнодушия.

По другую сторону шлагбаума двор выглядел иначе. Он был тесно уставлен машинами, среди которых преобладали черные. Рядом с подворотней, выходявшей на бульвар, в будке виднелся охранник, неподвижный, как манекен. Сощурившись, Александра различила знак на въезде — стоянка только для служебного транспорта.

«Ворона, кот, охранник, — она нажала кнопку отбоя и спрятала телефон. На вызов так никто и не ответил. — Не густо! Похоже, придется уйти ни с чем».

Ей очень мешал сверток под мышкой, его то и дело приходилось поправлять. Под несколькими слоями оберточной бумаги скрывалась картина, которую она принесла заказчице. Если бы не картина, Александра просто отправилась бы на другой конец Москвы, к коллекционеру, который давно заманивал ее в гости. Тот желал кое-что продать, кое-что обменять, и в целом намечался неплохой заказ. Но везти картину в метро Александре вовсе не улыбалось. Она в последний раз поднялась на скрипнувшее крыльцо и нажала кнопку звонка.

— Вот и верь людям, — заметила она вслух, не дождавшись ответа.

Ворона прочистила горло и хрипло согласилась с ее высказыванием. Голос многоопытной птицы был исполнен сарказма. Кот, сидевший на досках, сощурил зеленые глаза. Он демонстративно не замечал вороны, хотя та сидела в паре шагов от него. Эти двое явно были знакомы не первый день.

Пианино из Иерусалима

— Ну что ж, граждане, тогда я пойду, — вздохнула Александра.

Словно разбуженный ее голосом, кот внезапно очнулся, выгнул спину высоким горбом, содрогаясь всем телом... Яростно поточив когти о доски, спрыгнув на землю и исчез за углом. В окне, под которым он сидел, что-то промелькнуло. Через несколько секунд послышалось шелканье замка, и дверь открылась.

— Ох, это вы! — приветствовала Александру хозяйка, отступая вглубь тесных сеней. — А я вас в окно увидела! Вы звонили, да? Я была наверху, там звонка не слышно. Хорошо, что вы не ушли сразу! Бывает так неприятно, если приходит курьер, например, а я не успеваю открыть... Но Генриху нездоровится, сиделка еще не пришла, и я все время бегаю наверх...

Александра переступила порог, вдохнула сырой кисловатый воздух — во флигеле, служившем прихожей, казалось холоднее, чем на улице. Зато в большой комнате, куда она вошла следом за хозяйкой, стояло ровное уютное тепло. Старомодно пахло гвоздичным маслом и сухой лавандой. В таком особняке можно было ожидать увидеть соответствующую обстановку — доставшуюся по наследству или купленную в антикварном салоне. Но мебель здесь стояла относительно новая — пухлый абрикосовый диван, такие же кресла, дорогой книжный шкаф, большой плоский телевизор на стеклянной тумбе...

— Вы принесли картину? — Илана подошла к обеденному столу, стоявшему между двух окон, быстро убрала со скатерти чашку с блюдцем, блокнот и телефон. — Положите сюда.

АННА МАЛЫШЕВА

Александра устроила сверток на столе и осторожно освободила картину от оберточной бумаги. Хозяйка тем временем задернула плотные лиловые портьеры на обоих окнах. Включила верхний свет — потолки в особняке были невысокие, вспыхнувшая хрустальная люстра выглядела громоздко. Пожилая дама приблизилась к столу. Она то зябко натягивала на запястья рукава тонкого джемпера, то без всякой необходимости поправляла аккуратно уложенные седые волосы, отливавшие голубизной в свете люстры. Изящные сухие пальцы без колец были в непрерывном движении. Женщина волновалась. Ее раскосые голубые глаза удивительно яркого василькового оттенка сужались и расширялись, художница слышала ее участившееся дыхание.

Александра, немного озадаченная взбудораженным состоянием хозяйки, улыбнулась:

— Теперь ваша картина выглядит отлично, могу сказать без ложной скромности!

Она сняла последний слой упаковочной бумаги, и в свете люстры парадно блеснул свежий лаковый слой на красочном покрытии. Обновленный реставрацией холст был перетянут на новый подрамник — старый, неумело сделанный, перекосясь, и холст от этого местами провис, пошел пузырями. Простенькая дешевая рамка раскололась, когда Александра освобождала картину для работы. Обломки художница принесла в отдельном свертке, в сумке.

— Если вы хотите заказать багет, то я могу рекомендовать отличного мастера, у него немецкий и американский материал, и мне он делает большие скидки...

Пианино из Иерусалима

Александра проговорила это, не сводя глаз с полотна. Не получив ответа, она удивленно повернула голову. Хозяйка даже не подумала подойти ближе к столу. Напротив, она отвернулась и подошла к правому окну. Чуть отдернув портьеру, Илана смотрела во двор. Даже ее узкая спина выражала тревогу.

— Что-то случилось? — обеспокоилась Александра.

— Нет-нет, все в порядке. — Илана задержала портьеру, поправила складки. Она все время что-то разглаживала, расправляла, мимоходом дотрагиваясь до предметов, словно пытаясь убедиться в их реальном присутствии.

— Все хорошо! — Хозяйка приблизилась и взглянула, наконец, на полотно. Ноздри напряглись и на миг застыли, взгляд скользнул по картине и поднялся выше, остановившись на пустом участке стены, оклеенной бархатистыми обоями кремового тона. Казалось, Илана считает завитки на обоях.

— Все хорошо, — повторила она. На картину женщина больше не смотрела. — Могу я предложить вам кофе?

— Я... Собственно... — Александра была слегка обескуражена и не торопилась принимать приглашение на кофе. Она была удовлетворена сделанной работой и не понимала, что вызвало странную реакцию клиентки. — Я должна быть еще в одном месте, и... Вы действительно довольны?

Илана на миг прижала ладони к лицу, затем тряхнула головой и глубоко вздохнула, словно просыпаясь:

— Эта картина... Столько воспоминаний! Не торопитесь, прошу вас, уделите мне еще немного времени.

Вы очень хорошо все сделали. Но мне необходимо с вами поговорить...

Хозяйка усадила ее в кресло и скрылась в коридоре. Александра, утонув в пухлых подушках, навевавших ленивую истому, обводила взглядом комнату. Она уже была здесь два раза, полгода назад, в начале июня. Илана передала ей тогда заказ на реставрацию — небольшой натюрморт, купленный, по ее словам, во Франции. Датировка — вторая половина девятнадцатого века — была приблизительной, подпись художника — неразборчивой, само полотно представляло интерес лишь как деталь интерьера, не больше. Александра была рада каждому заказу. Она забрала картину и вскоре вернула ее хозяйке — освеженную, перетянутую, отмытую... И казавшуюся еще более заурядной, словно с трещинками на лаке и желтизной полотно лишилось единственной индивидуальности. Илана осталась довольна и работой, и ценой и обещала не забывать Александру.

Свое обещание она сдержала. Две недели назад, в конце ноября, к Александре в мастерскую явился незнакомец. Фил — так лаконично представился жизнерадостный молодой человек — был внучатым племянником Иланы. Сам он родился и жил в Израиле, в Москве бывал наездами, в гостях. Двоюродная бабушка еще летом презентовала ему картину — семейную реликвию, как объяснил Фил. Картина нуждалась в косметической реставрации, полотну было около шестидесяти лет. Фил передал Александре картину, аванс за реставрацию и список телефонов, по которым Александра могла звонить, если возникнут вопросы. Молодой человек торо-

Пианино из Иерусалима

пился в аэропорт, и у художницы осталось впечатление, что судьба семейной реликвии не очень его занимает. Фил, скорее, был рад, что переложил заботы о картине на чьи-то плечи. Один телефон в списке принадлежал ему самому — мобильный израильский номер. Два других, московских — мобильный и стационарный, — его двоюродной бабушке.

Александра позвонила Илане на другой же день. Пожилая дама подтвердила все, что рассказал Фил: она подарила двоюродному внуку полотно, много лет хранившееся в ее семье. Рама, когда-то сделанная кустарным способом, была в неважном состоянии, разваливалась, стоило к ней прикоснуться. Однажды картина попросту упала со стены, так как крюк выскочил из треснувшего багета. С тех пор ее хранили в шкафу, что не пошло холсту на пользу. Илана попросила освежить полотно, привести его в порядок — она хотела, чтобы внук привез картину в Израиль во всей красе. Обеспокоенно спросила, достаточен ли аванс? Сумма была не только достаточной — она показалась Александре даже несколько чрезмерной, учитывая то, что картина особой художественной ценности не имела. Художница выполнила работу и вновь созвонилась с Иланой.

А заказчица вовсе не стремилась увидеть результат — такое впечатление складывалось у Александры. В глубине коридора тихо позвякивала посуда, слышался шум открываемой воды. Вскоре по маленькому особняку распространился крепкий аромат свежесваренного кофе. Александра прикрыла отяжелевшие веки — оттепель навела на нее сонную одурь. Правый ботинок промок — она

с сожалением подумала о том, что придется искать другие зимние ботинки, и срочно, иначе не миновать простуды. На миг комнату заволочло плотным туманом, в ушах туго зазвенело. Александра резко вздернула голову, упавшую было на грудь. «Неужели заболеваю?»

На пороге комнаты появилась Илана, катившая перед собой маленький сервировочный столик. Александра вскочила, но хозяйка настойчивым жестом усадила ее обратно в кресло:

— Позвольте уж мне за вами поухаживать! У меня не часто бывают гости. Вам со сливками? Сколько сахару?

Сливки оказались такими жирными, что на поверхности кофе поплыли желтые кружки масла. Сделав глоток, Александра почувствовала, как сонное оцепенение отступает. Илана тоже взяла чашку, но пить не стала — устроившись в кресле напротив гостьи, она держала чашку в одной руке, блюдце в другой, словно позируя. Поза была манерной и настороженной, как у кошки, застигнутой в разгар умывания. Во взгляде Иланы также было нечто кошачье — непроницаемое, отстраненное от действительности. «Не похоже, чтобы она очень страдала без общения!» — заметила про себя Александра, вновь делая глоток. Похоже, хозяйка о ней забыла, о чем-то замечтавшись.

Резкий стук в потолок заставил Александру вздрогнуть. Ее чашка была почти пуста, иначе она облилась бы кофе. Илана спокойно взглянула на сверкающую люстру:

— Это Генрих. В такие скверные дни, когда он не может ходить, он стучит в пол палкой, чтобы я под-

Пианино из Иерусалима

нялась. Одному сидеть невесело, конечно. В три часа придет сиделка. Еще чашечку?

— Спасибо, но я действительно не могу задерживаться надолго. — Александра поставила чашку на столик. — Вы хотели мне что-то рассказать?

Илана откинулась на спинку кресла. Ее голубые глаза сузились, и она вновь напомнила Александре кошку, погруженную в свои грезы — не столь уж безобидные, быть может.

— Не то чтобы хотела... — протянула она. — Должна рассказать. Это разные вещи. Раз уж мы с вами взялись за дело, нужно довести его до конца, не так ли?

Александра, сделавшая вывод, что речь идет о картине, кивнула.

— Фил сказал вам, что заказ включает в себя не только реставрацию?

— Да, он упомянул, что нужно восстановить кое-какие семейные события... Если я правильно поняла.

Илана тихо засмеялась.

— Если он правильно понял, — пожилая дама с нажимом произнесла слово «он». — Нынешние молодые люди на удивление нелюбопытны. Им кажется, что они и так все на свете знают. А если не знают, в два счета найдут это в своем телефоне. И когда найдут там что-то, то считают эту чепуху последней истиной...

Она несколько раз кивнула, словно подтверждая свои слова:

— Просто невероятно, насколько им лень думать... Вот, взять Фили — он прекрасный парень, добрый, сердечный, с хорошим характером. И голова у него не пустая. Но ему бесполезно поручать это дело. Фил недавно

женился. Конечно, его сейчас мало волнует семейное прошлое. Он творит семейное будущее!

Илана вновь кивнула, свет люстры скользнул по ее серебряным пышным волосам.

— А вот меня семейная история волнует. У меня нет ничего, кроме этой истории. Я — ее часть. И вполне еще живая часть! Фил считает меня древней старухой с причудами. Но не так уж я стара, чтобы впасть в детство.

Сверху опять донесся стук — резкий, нетерпеливый. Илана досадливо махнула рукой, взглянула на часы — маленькие, золотые, похожие на шмеля, присевшего на запястье:

— Он всегда нервничает, когда должна прийти Маша. Девушка учится, иногда может запоздать. Она не очень пунктуальна, но мы за нее держимся. Генрих ей доверяет, неизвестно, по какой причине.

Снова тихий смех. Оборвав его, Илана внезапно сделалась очень серьезной и добавила:

— Но давайте к делу. Признаюсь, я рассчитывала на помощь Филадельфии и разыскала его в Израиле именно поэтому. Написала ему, пригласила в гости, он приехал... И сразу же стало ясно, как мало все это его интересует. Я подарила ему картину, вот эту самую, — кивок в сторону стола. — Ее ценность невелика, конечно. Автор — любитель. Но это семейная реликвия, очень важная. Мне с трудом удалось ему это втолковать. Семейной историей он и вообще отказался заниматься. Я дала ему все необходимые сведения, рассказала, с кем он должен встретиться в Израиле... Но последовали отговорки —

Пианино из Иерусалима

нет времени, семья, работа... Ему все это чуждо. Милый молодой человек, но...

Илана вздохнула:

— Он годится разве что в качестве курьера. Я решила найти другого человека для своего плана. И вспомнила о вас. Вы мне еще летом понравились, скажу откровенно. В вас есть что-то... Живое.

В потолок снова застучали. Женщина досадливо потерзала в кресле и вновь взглянула на часы:

— К сожалению, я не сохранила ваш телефон, но вспомнила адрес. Я послала Фила отнести вам картину на реставрацию и пригласить для последующего разговора. Начать... Непросто.

Илана поднялась с кресла, подошла к окну, слегка отодвинула портьеру, вглядываясь во двор.

— Маша идет, — сказала она. — Подождите минутку, я ее впущу.

Оставшись в комнате одна, Александра тоже встала и подошла к окну. Она успела увидеть молодую девушку, быстрым шагом пересекающую двор. Та шла со стороны Волхонки, на ходу расстегивая молнию короткой куртки. В ее пушистых светлых волосах играло солнце. Оттепель победила — облака разошлись, снег почти растаял, с карнизов бежала резвая талая вода. Девушка скрылась за углом особняка. Спустя несколько секунд в сенях раздались приглушенные голоса.

Александра к ним не прислушивалась. Отдернув портьеру до конца, она вновь придирчиво оглядела картину, знакомую ей, как все полотна, над которыми она работала, до последних мелочей.

АННА МАЛЫШЕВА

Картина была небольшого размера — сорок на пятьдесят сантиметров. Александра называла этот размер «чемоданным» — картины такого формата легко влезали в чемодан, и потому любители живописи часто привозили их из-за границы в качестве добычи с блошиных рынков, из антикварных салонов. С датировкой вопросов не возникло — когда художница, получив картину от Фила, позвонила Илане, чтобы задать несколько вопросов относительно реставрации, та сразу сказала ей, что полотно написано в шестьдесят третьем году. «В одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем!» — шутливо уточнила тогда Илана. Имени автора она не назвала. Да и нужды не было — картину написал любитель, не бесталанный, но не обремененный академическим образованием. Неизвестный художник рабски следовал природе, мучительно робко копируя действительность. Полотно изобиловало мелкими деталями, как произведения малых голландцев, которые можно изучать часами, вооружившись лупой и совершая все новые открытия.

«Автор наверняка пользовался лупой, выписывая детали, — Александра оглядывала картину. — Хотя можно допустить, что у художника было исключительно острое зрение... Но все же нет. Это была бы очень редкая аномалия. Мне вот пришлось работать с лупой, как и ему, много лет назад...»

Картина была ориентирована вертикально. Художник изобразил комнату, небольшую, изрядно загроможденную мебелью. Мебель была старая, массивная, судя по топорному виду — кустарного производства. Белые стены, серый плиточный пол. В неуклюжем книжном